

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М79

Laura Morelli
THE STOLEN LADY

Серия «Роман с искусством»

Печатается с разрешения литературных агентств
The Bent Agency и Andrew Nurnberg

Перевод с английского *Ольги Павловской*
Оформление обложки *Винсента Фельдмана*

Морелли, Лаура.

М79 Похищенная синьора: [роман] / Лаура Морелли; – [перевод с английского Павловской О.]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 480 с. — (Роман с искусством).

ISBN 978-5-17-138833-1

Что скрывает таинственная «Мона Лиза»?

Италия, 1479 год. Служанка Беллина Сарди сопровождает свою хозяйку Лизу Герардини в дом ее мужа — преуспевающего торговца тканями Франческо дель Джокондо. Верность Беллины подвергается испытанию, когда она попадает под чары харизматичного монаха по имени Савонарола. Когда мастеру Леонардо да Винчи поручают написать портрет Лизы Джокондо, Беллина понимает, что ей необходимо хранить мучительную тайну...

Франция, Вторая мировая война. Молодой архивариус Лувра Анна Гишар, смертельно рискуя, вывозит загадочную «Мону Лизу» из Парижа. Теперь Анна оказывается втянутой в опасную игру, на кону которой стоит ее собственная жизнь и судьба печальной «Джоконды»...

История о двух мужественных женщинах, которые с разницей в пятьсот лет рисковали своими жизнями, чтобы защитить от беды синьору с загадочной улыбкой.

Леонардо да Винчи, его прекрасная Лиза и знаменитый портрет оказываются под прицелом истории, когда сталкиваются две параллельные эпохи, в которых на карту поставлено гораздо больше, чем искусство.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-138833-1

© Laura Morelli, 2021

© Павловская О., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2024

В память о Лизе

Часть 1

Тайное и явное

ЛЕОНАРДО

*Флоренция, Италия
1472 год*

Мастер говорит, что я вечно начинаю за здоровье, а заканчиваю за упокой — не умею доводить дело до конца. Такая вот незадача, которая, дескать, превращается в беду.

Я смотрю, как за высокими узкими окнами мастерской синьора Верроккьо вечернее летнее небо обретает темно-золотистый загар. Воздух в помещении душный и словно бы тяжелый от пыли. Прочие подмастерья уже почистили кисти, сложили нарисованные за день эскизы в аккуратные стопки и в перепачканной красками одежде разошлись по тавернам, дружно урча животами. А мы с мастером остались вдвоем. Я чувствую на себе взгляд его глаз-бусин, и капля пота, одна-одинешенька, скатываясь по спине, щекочет мне поясницу.

В тишине я разглядываю брызги закатного зарева, растекшиеся по темным углам мастерской. И вдруг целая волна волшебного сумеречного света вкатывается в окна, озаряет ветхие стены с кракелюрами на штукатурке, словно покрывая их жидким золотом. Свет заливает деревянную панель, над которой мы работаем. Я помахиваю в воздухе мокрой кистью из лисьего волоса и внимательно изучаю картину.

Много недель назад мастер Верроккьо закончил фигуры Мадонны и великолепного крылатого архангела, который, спустившись с небес, преклонил перед ней колени, держа в руке лилию. Мой взгляд сосредоточен на

Лаура Морелли

заднем плане картины — там я набросал очертания деревьев, гор и долин, теряющихся вдаль. Мастер предпочитает темперные краски — из сухих пигментов, разведенных водой с желтком, — какие использовал его дед; я же начал добавлять в свои масло. Прищурившись, рассматриваю легкую, влажную еще дымку между фигурами. Рука у Мадонны в исполнении мастера вышла длинноватой, и волосы у нее получились растрепанные. Но я ни за что не скажу это вслух.

Мастер говорит: монахи ждут. Он твердит это постоянно, я уже сбился со счета. Монахи месяцами терпеливо ждут от нас обещанный запрестольный образ. Месяцы сложились мало-помалу в год.

Мой отец тоже ждет. Ждет, когда из меня наконец-то выйдет толк. Я, по своему обыкновению, не оправдываю ожидания.

Спину мне жжет взгляд синьора Верроккьо из другого конца мастерской. Я делаю вид, что изучаю изысканные цветы на переднем плане картины, написанные мною несколько месяцев назад, и размышляю, не добавить ли еще один слой лака на все это цветущее великолепие — *hortus conclusus*, «запертый сад», «вертоград заключенный», который символизирует непорочность Девы Марии.

Это последний раз, когда я заканчиваю работу вместо мастера Верроккьо. Мне почти сравнялось двадцать — я достаточно взрослый, чтобы открыть собственную мастерскую, и достаточно молод, чтобы будущее, простершееся впереди, сулило мне бездну возможностей для воплощения в жизнь изобретений, пока что пребывающих на страницах моих альбомов и трагедий в виде чертежей. Бронированные колесницы. Переносные требушеты — катапульты, которые можно сложить с помощью рычажного механизма. Летящая машина с крыльями, как у летучей мыши... За пределами этой мастерской, за пределами живописи, быть может, даже за пределами Флоренции возможности безграничны.

Внезапно мастер Верроккьо устремляется ко мне, как архангел, пикирует хищной птицей, властный, несущий важные вести. И как Мадонна, я на мгновение

Похищенная синьора

прижимаю руку к груди и отступаю на шаг. Смотреть ему в глаза я не могу, потому обращаю взор к прекрасному безмятежному лику Девы Марии и замираю в ожидании его речей.

Но мастер молчит. Какой-то миг мы оба смотрим на деревянную панель. Потом поверх моего плеча он переводит взгляд на не просохший еще фрагмент, только написанный мною, и хмурится. Хмурится по привычке или выражает тем самым оценку моей работы — я теряюсь в догадках.

«Гм...» — мычит в итоге мастер и отступает.

Да, все же лучше будет покинуть Флоренцию.

Определенно в жизни есть занятия поважнее, чем писать портреты прекрасных дам.

Но и это я тоже не скажу вслух.

В конце концов, все мы что-то скрываем.

АННА

*Париж, Франция
1939 год*

«В конце концов, все мы что-то скрываем», — думала Анна Гишар, украдкой заглядывая в Salon Carré — Квадратный салон Лувра. Вероятно, то, что там сейчас происходило, не предназначалось для ее глаз. Но ей было ужасно любопытно.

Солнце зашло несколько часов назад, однако Анна вместе с большинством музейных работников засиделась до ночи и работала все это время с ожесточенным усердием. Только что она сбегала за копировальной бумагой для своей старенькой пишущей машинки и несла в кабинет целую коробку, но услышала шум в галерее шедевров итальянского Ренессанса и замедлила шаг в коридоре, чтобы посмотреть, что случилось.

Обычно Анна ходила по огромному лабиринту залов и кабинетов Лувра, когда они были залиты солнечным светом. Сейчас же, ночью, музейные помещения

Лаура Морелли

казались ей жуткими и зловещими. В галереях, некогда заполненных произведениями искусства, сейчас было почти пусто и темно. Несколько оставшихся древнегреческих и древнеримских скульптур отбрасывали зыбкие тени в пустых залах. Там суетились хранители — у всех были блокноты и мешочки с мелками; в лучах резкого света от карманных фонарей, скользивших по стенам, живописные полотна казались темными, тускло отблескивающими прямоугольниками.

В глубине Квадратного салона Анна узнала элегантный силуэт директора музея — Жак Жожар стоял, уперев руки в бока, и наблюдал, как два зрителя укладывают нечто похожее на кейс в деревянный ящик. Войти в зал Анна не решилась — она занимала незначительную должность помощницы архивариуса, и здесь ей нечего было делать.

В каждой из галерей рабочие деловито снимали картины со стен. Маленькие укладывали в ящики вместе с рамами и грузили на скрипучие тележки. Большие холсты вынимали из рам и скатывали в плотные рулоны. За рабочими, перешептываясь, ходили кураторы и архивариусы с инвентарными списками. Как только картину снимали со стены, кураторы рисовали белым мелом прямоугольник на том месте, где она висела, и писали в нем имя художника, название полотна и его инвентарный номер.

За последние несколько дней, в течение которых шла подготовка к эвакуации и составлялись описи, Анна видела, как бесценные полотна Старых мастеров*, большие статуи, египетские древности пакуют, словно ветхую мебель, которой предназначено собирать пыль где-нибудь на чердаке. У нее в голове не укладывался гигантский масштаб предпринятых работниками Лувра усилий, для того чтобы перевезти все обширное музейное собрание из луврских галерей в безопасное

* Старые мастера — общее, достаточно условное обозначение западноевропейских художников, работавших в исторический период с начала эпохи Возрождения до примерно 30-х гг. XIX в. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Похищенная синьора

место, спасти его от германских офицеров, у которых хватит наглости присвоить бесценные шедевры себе.

Она заметила, как кто-то из кураторов нарисовал на деревянном ящике три красных кружка. Затем двое служителей установили ящик на тележку, и вся группа в сопровождении месье Жожара двинулась к выходу из Квадратного салона. Тележка долго скрипела на все лады колесиками по коридору, потом скрылась из виду. Приглушенные голоса и эхо шагов стихли, галерея погрузилась в тишину и в темень.

Анна, выступив из своего укрытия за углом коридора, вошла в пустой зал. Источником освещения здесь служила единственная электрическая лампочка в железной сетке, болтавшаяся на длинном шнуре. Когда глаза оправились от этого яркого пятна света, она приблизилась к скромному прямоугольнику, который куратор начертил на стене, и только сейчас поняла, что за картина висела там всего несколько минут назад.

Это была «Мона Лиза». *La Joconde**.

Пора было возвращаться в архив. Ее начальница Люси Мазорик, должно быть, уже начала недоумевать, как можно так долго ходить за копиркой. Но вместо этого Анна стояла как вкопанная перед меловым прямоугольником на голой стене.

Она столько раз проходила мимо портрета флорентийской синьоры, что он отпечатался в памяти в мельчайших подробностях, и теперь Анна видела его мысленным взором так, будто картина еще висела перед ней. Она смотрела на пустой, начерченный мелом прямоугольник, словно верила, что холст снова появится там, если ждать достаточно долго. Вдруг сделалось трудно дышать — Анна подумала о тысячах посетителей, которые при ней прохаживались по галереям Лувра и замирали перед знаменитой работой Леонардо да Винчи, портретом женщины с загадочной улыбкой. Анна видела, как менялись их лица, когда они подступали ближе и заглядывали в таинственные темные глаза

* «Джоконда» (фр.).

Лаура Морелли

дамы, взиравшей на них с холста, будто ждали, что она дотянется до них, преодолев четыре с лишним столетия истории одним лишь взглядом, и изменит что-то навсегда у каждого в глубине души. «Такова сила искусства», — думала Анна.

Затем, стоя перед голой стеной, она постаралась припомнить, какой была эта галерея в обычные времена. Тысячи приглушенных голосов сливались в несмолкающий гомон. Родители шикали на детей, чтобы те держали руки подальше от произведений искусства: «*Touche pas*»*. Шелестела одежда, сталкивались чуть слышно локти и плечи, когда посетители обходили друг друга. Мельтешение фигур. Нервный топоток бдительных служителей: «*Touchez pas. Silence, s'il vous plaît*»**. Переменчивое освещение: льющийся в окна яркий свет становится рассеянным и постепенно меркнет за долгие часы, пока музей открыт для посетителей. А теперь... деревянный ящик с тремя красными кружочками и скрипучая тележка с разболтанными колесами.

В галерее воцарилась тишина — тяжелая от пылинок, кружащих в воздухе. Давящая. Окончательная. Анна перестала ощущать присутствие портрета. Пришло осознание потери.

БЕЛЛИНА

*Флоренция, Италия
1479 год*

«В конце концов, все мы что-то скрываем». Эта мысль кружилась и трепетала в голове Беллины, когда та шла вместе с семьей хозяина в баптистерий на таинство крещения.

* «Не трогай» (*фр.*).

** «Не трогайте. Соблюдайте тишину, пожалуйста» (*фр.*).

Похищенная синьора

Рука у нее так и тянулась к карману, где лежало ее сокровище, тихонько постукивая по бедру при каждом шаге, но Беллина постоянно мысленно себя одергивала. Хотя какое там сокровище — суцая безделица, крошечный коралловый амулетик из тех, что бабушки повязывают на шейку новорожденным внукам, чтобы охранить их от бед и превратностей судьбы. Вещица эта появилась в доме вместе с целой грудой крестильных даров, поднесенных родственниками и знакомыми синьора Герардини по случаю появления на свет его первого ребенка. Беллина заметила амулет сразу, когда бегала открывать дверь гостям, потянувшимся в дом на следующее утро после рождения младенца.

Право слово, этот амулетик был такой мелочью, хотя теперь он тяжело оттягивал внутренний карман холстяной нижней юбки Беллины. В россыпи других подарков — баночек с воском, кульков с миндально-лимонным печеньем, расшитых пеленок, двузубых серебряных вилок с выгравированными именами родителей — пропажу безделушки никто и не заметит.

Дом был полон подобных маленьких сокровищ, накопленных поколениями его обитателей — кому, как не Беллине, было об этом знать, ведь в ее обязанности входило хранить чудесные вещицы, выставлять, расставлять, переставлять, вытирать с них пыль, мыть и чистить. Она вольна была ими любоваться, но даже не мечтала никогда, что эти предметы могут принадлежать ей. И не понимала, почему женщины из семейства Герардини держат свои побрякушки запертыми в шкапулках и шкафчиках. Беллина думала, что, будь у нее хоть какие-то украшения, она носила бы их не снимая.

На рассвете семейство покинуло пронизанный сыростью особняк на углу виа Маджо, где дождевые воды с холма Боболи застаиваются и плодят мириады комаров. В утренней дымке Герардини направили свои стопы к величественному восьмигранному баптистерию подле собора Санта-Мария-дель-Фьоре. Колокола на звоннице церкви Сантиссима-Аннунциата созывали монахов на утреннюю службу. Незнакомые люди махали из окон и кричали поздравления на улочках, по

Лаура Морелли

которым несли темноглазую новорожденную девочку в зеленом бархатном чепчике и белых одеяльцах. Впереди всех выписывал зигзаги племянник Антонмари Герардини, маленький Герардо. Мальчуган резво носился с одной стороны улицы на другую, хлопал ладошками по каменным стенам домов, пачкая длинные рукава изящного камзолчика, и матушка заполошно призывала его немедленно прекратить безобразничать.

«И ничего я не украла. Просто... спрятала амулет. Может, я его еще верну. — Рука Беллины сама скользнула в пришитый к холстяной юбке карман — невозможно было этому противиться. — Право слово, все мы что-то скрываем».

Беллина никогда в жизни не воровала у Герардини. Но какая служанка не задумывается о том, чтобы стащить что-нибудь у хозяев? Порой, смахивая метелкой из перьев пыль с деревянной резной шкатулки для драгоценностей или надраивая бронзовую поварешку, Беллина представляла себе, как это будет: вот она берет чужое и кладет в карман. Заметит ли кто-нибудь?

За все свои тринадцать лет жизни Беллина не ведала ничего, кроме сокровенных подробностей жизни семейства Герардини. Она знала, что мать новорожденной предпочитает оливковое масло, настоянное на побегах дикого майорана, а вино требует разбавлять лишь капелькой воды. Знала, какой порошок из шкафчика со снадобьями дать синьору Герардини, ежели у него от тушеных помидоров дерет горло. Знала, когда приходят регулы к каждой из женщин в доме. Еще знала, какие разговоры и обстоятельства могут вызвать размолвки между хозяевами и родней. И она была первой из домочадцев, кто увидел застывшие лица двух предыдущих синьор Герардини, прежних жен хозяина, которые одна за другой отдали Богу душу на родильном кресле.

Беллина считала, что всякий случай, когда матери и дитя удастся пройти суровое испытание родами и уцелеть, — это повод для праздника. Ее собственная матушка, долгое время прислуживавшая в доме Герардини, не выдержала родовых мук. Беллина понимала, что синьор Герардини мог бы тогда без зазрения

Похищенная синьора

совести оставить ее, новорожденную сиротку, на ступенях Инноченти*. Но вместо этого он сжалился над крошечной Беллиной, дал ей приют в собственном доме и вырастил — не как рабыню и не как полноправного члена семьи, а как нечто среднее. Ее кормили, одевали, укладывали спать в колыбельку с теплыми шерстяными одеяльцами. И всегда относились к ней по-доброму.

«Ты украла у человека, который почти заменил тебе родного отца», — неумолчно ворчал внутренний голос, но Беллина гнала от себя эту мысль, пока семейная процессия приближалась к громадине Санта-Мария-дель-Фьоре — крытый черепицей купол кафедрального собора было видно издалека. Именно возможность обладать скромными излишествами — расшитыми платьями, украшениями, всякими маленькими сокровищами — была преградой между ней и остальным семейством.

Спрятанный амулет постукивал Беллину по бедру при каждом шаге. Синьор Герардини вышагивал по улице во главе всей своей невеликой свиты из кузин и кузенов, дедушек и бабушек, слуг и служанок, поспешавшей за ним, будто суетливая, гомонящая стая гусей. Измученная мать новорожденной девочки осталась дома — ей предстояло провести взаперти традиционные сорок дней. Впереди замаячили склады красильщиков шерсти, и по кварталу заскакал вприпрыжку легкий ветерок с илистых берегов Арно. По Понте-Веккьо, где, как всегда, было оживленно, они перешли реку и двинулись дальше по виа Пор-Санта-Мария под несмолкающий перестук деревянных ткацких станков, которые возвещали начало нового рабочего дня в шелкодельных мастерских по обеим сторонам улицы.

Беллина смотрела на незнакомых прохожих и понимала, что для любого из них Герардини выглядят как состоятельное флорентийское семейство, безопасно

* Имеется в виду Ospedale дельи Инноченти — «Приют невинных», сиротский дом, построенный во Флоренции в 1-й половине XV в.

Лаура Морелли

шагающее в баптистерий. За младенцем поспешали тетушки и дядюшки, разодетые в парчу, расшитую серебряными нитями, в тафту с цветочными узорами; у всех были кармазинного цвета кожаные перчатки. Но как и в случае с городскими домами, у которых великолепные фасады из тесаного камня скрывают обветшавшие, заваленные мусором внутренние дворики, это была лишь видимость, внешний лоск, и Беллина об этом знала. Несколько поколений назад Герардини владели обширными угодьями в окрестностях Флоренции, где росли оливковые деревья, виноград, пшеница, и на этих землях трудилось множество крестьян-издольщиков. Но чередой бед и злоключений мало-помалу истощала нажитые богатства. Под роскошными, пышными, многослойными нарядами из дорогих узорчатых тканей, в которых Беллина десятки раз собственноручно латала дыры, нынешние представители рода носили ветхое, застиранное белье. Их арендованный дом стоял в сыром квартале, лестницы в нем прогнили, штукатурка осыпалась, а в погребах было шаром покати. Однако внешний лоск они наводили неукоснительно.

Наконец процессия добралась до площади перед огромным кафедральным собором. Северная и южная стены его были облицованы чудесной мозаикой из зеленых и розовых мраморных плиток, передний же фасад, незаконченный строителями, являл взорам лишь уродливую кладку из красных кирпичей. Беллина последовала за синьором Герардини под темные прохладные своды старинного баптистерия. Под куполом просторного здания тотчас стих уличный гомон — здесь царила всепоглощающая тишина. В зыбком свете свечей мерцали стены, украшенные позолоченными мозаиками и геометрическими орнаментами из мрамора. Отец Бартоломео, седовласый весельчак, улыбнулся новорожденной девочке, обменялся с ее отцом учтивостями и повел пришедших к центру восьмигранного пространства. Пока семейство выстраивалось вокруг большой мраморной купели и отец Бартоломео занимал надлежащее священнослужителю место, Беллина разглядывала замысловатые узоры на полу.